

Несколько лет спустя, с еще бóльшим рвением и увлеченностью занимаясь той же греческой Антологией, В. С. Печерин напечатал (на этот раз анонимно) в журнале П. А. Плетнева «Современник» свою статью «О греческой эпиграмме», представлявшую собой отрывок из той диссертации, которую он предполагал представить Московскому университету.³ В этой статье В. С. Печерина мы вновь находим ту же переведенную им эпиграмму о роднике, в который нимфы окунули факел Эрота; здесь она напечатана с некоторыми поправками, но без заглавия, зато с именем ее греческого автора — Мариана Схоластика (писателя V—VI в. н. э.), столь изящно и пластически объяснившего в своем стихотворении «происхождение горячего ключа».⁴ Далее, в той же статье, Печерин говорит о переводах греческой антологии и в этой связи называет прежде всего Державина: «Что скажем о переводах из греческой Антологии на русский язык? Изредка только мелькают у наших поэтов переводы греческих эпиграмм, и те не с подлинника. У Державина, который так удачно умел передать нам на отечественном языке всю прелесть од Анакреона, находим только две пьесы, заимствованные из Антологии. Первая — „Горячий ключ“ есть перевод эпиграммы Мариана Схоластика».⁵ Вопросы о том, откуда, через посредство каких промежуточных звеньев Державину могла стать известной эпиграмма Мариана Схоластика, В. С. Печерин себе не ставил.

Указанием В. С. Печерина воспользовался Я. К. Грот в комментарии к «Горячему ключу»; он привел греческий подлинник этой эпиграммы из «Палатинской Антологии» и русский прозаический

³ О греческой эпиграмме. — Современник, 1838, т. XII, с. 72—88.

⁴ В тексте «Современника» (с. 76) в переводе эпиграммы Мариана Схоластика изменен 2-й стих: вместо «В сладком сне, к ключевым нимфам свой факел склонив», мы читаем здесь: «К нимфам струящихся вод факел горящий склонив»; в следующем стихе вопрос «Что медлим?» изменен на «Что медлить?». С учетом этих вариантов данный перевод перепечатан полностью Е. Бобровым в приложении к статье «Литературная деятельность В. С. Печерина» («Переводы Печерина из греческой антологии») в его книге «Литература и просвещение в России XIX века» (т. IV. Казань, 1902, с. 12), а затем еще раз, в соответствии с автографической рукописью переводчика, в кн.: Гершензон М. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910, с. 23. В недавнее время в русской печати появился еще один перевод той же эпиграммы, сделанный с греческого оригинала и принадлежащий перу Л. Блументау:

Здесь под навесом платанов однажды Эрот утомленный
Сладким покоился сном, нимфам свой факел отдав.
Нимфы сказали друг дружке: «Что медлим? Погасим скорее
Факел, а с ним и огонь, смертным палящий сердца!»
Пламя, однако, и воды зажгло. И купальщикам нимфы
Эротиады с тех пор воду горячую лют.

(См. сб.: Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 285).

⁵ [В. С. Печерин.] О греческой эпиграмме, с. 87. — О другом переводе Державина из греческой Антологии Печерин замечает здесь же: «Вто-